

ВИКТОР
ИЛЮХИН

ПУТИН

ПРАВДА,
КОТОРУЮ ЛУЧШЕ НЕ ЗНАТЬ

ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

Книга-эпоха

Виктор Илюхин

**Путин. Правда, которую лучше
не знать. Полная версия**

«Алисторус»

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

Илюхин В. И.

Путин. Правда, которую лучше не знать. Полная версия /
В. И. Илюхин — «Алисторус», — (Книга-эпоха)

ISBN 978-5-907332-60-7

Это последняя книга выдающегося российского политика, общественного деятеля и писателя Виктора Ивановича Илюхина. Занимаясь в комитетах Государственной Думы вопросами коррупции, расходования государственных средств и безопасности России, он знал настоящее положение дел в этих областях. В.И. Илюхин на конкретных примерах и цифрах доказывал, что правление В.В. Путина довело страну до глубокого кризиса и поставило ее на грань катастрофы. Сокращенный вариант этой книги вызвал широкий интерес читателей, у которых теперь есть возможность впервые ознакомиться с полной авторской версией. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-907332-60-7

© Илюхин В. И.
© Алисторус

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	8
Обвинения против М.С. Горбачева	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Илюхин

Путин. Правда, которую лучше не знать. Полная версия

Предисловие

С того дня, как не стало Виктора Илюхина, прошло немало времени. Страна претерпела события, в которых он уже не принял личного участия. Он не увидел и не узнал, что народ, наконец, перестал терпеть кремлевскую политику оболванивания и с протестом вышел на Болотную площадь и проспект Сахарова. Молодежь, студенты, бизнесмены, активные пенсионеры, оторвавшись от компьютеров, захлопнув двери учебных аудиторий, бросив привычные дела, взяли в руки наспех написанные лозунги и высказали власти свое несогласие.

Будь Илюхин жив, мы знаем наверняка – он стоял бы там вместе с народом, без стеснения пробивался на трибуну, чтобы призвать соратников сложить в знак протеста депутатские мандаты. Он бы привел за собой еще десятки тысяч военных, националпатриотов, пенсионеров и учащихся вузов. Но....

Но его нет с нами. Зато плоды труда Илюхина начинают давать о себе знать – у людей просыпается гражданское самосознание и первые шеренги уже поднимаются с колен, призывая остальных заставить власть уважать мнение народа. Верится, что за ними встанут другие, которые позовут за собой следующих, молодых, дерзких, гордых, сильных, сбросить наконец с пьедестала коррупцию, клановость и семейственность чиновничества, организовавших свою «карусель» власти. Потому что страна устала жить во лжи, где без взятки не решается ни один вопрос, где бюджет «дербанят», не собрав налоги, где миллионные состояния куются из остатков некогда народной собственности.

Все это хотел видеть Илюхин еще при своей жизни. Предвещал подъем революционного самосознания народа, будил своими выступлениями дремлющую активность масс. И когда это стало постепенно происходить, фигура Илюхина не растаяла в тумане времени и событий. Его произведения, статьи, выступления, научные изыскания обретают новый смысл, так как с изнанки показывают суть современной власти. Они и раньше ее раскрывали, но не все умели это прочесть, добраться до сути, разглядеть актуальность. Так уж повелось, России требуются большие потрясения, чтобы с глаз наконец спала пелена безразличия и все увидели серое, как зимний день, грязное и беспросветное настоящее.

У нас говорят, что большое видится на расстоянии. Прошло время, и мы понимаем, что народная мудрость отчасти относится и к Виктору Ивановичу. «Отчасти» потому, что при жизни политика как друзья, так и враги ощущали масштабность его личности. Мелочевкой, мелкотемьем он никогда не занимался. Умел из общего вычленять частное, в цепи проблем и фактов находить главное звено, в сумбуре пестрых жизненных ситуаций выхватывать самую суть. А мог в своих выводах обобщать – широко, доходчиво, поучительно.

Время доказало, что его образ из памяти людей не стирается, в строю действующих наиболее значимых политиков его место остается вакантным. Соратники по борьбе рады были, если бы на смену Илюхину пришел такой же принципиальный, бесстрашный, знающий философ, ученый, романтик с железной прокурорской хваткой, с авторитетом значимых поступков, с нерушимыми связями в среде спецслужб, военных, журналистов, историков, правоведов, литераторов. К сожалению, второго Илюхина в Госдуме нет.

Илюхин ушел из жизни, но Илюхин не ушел от нас. Сотни его статей исследовательского характера остаются на письменных столах российских граждан, которые и сейчас читаются «с

красным карандашом». О национальной политике в многонациональном государстве. О варварском развале Советского Союза. О роли в истории России Горбачева, Ельцина, Путина и Медведева. О разрушении Вооруженных Сил. Об упразднении поста президента и новом государственном устройстве.

Все актуально. Не потому ли переиздаются сейчас новыми массовыми тиражами его книги? Не потому ли по новому читается его доклад на заседании общественного военного трибунала, проведенного Илюхиным незадолго до собственной кончины?

Илюхин жил непростой, интересной жизнью. Но никто, даже самые близкие ему люди, не решался однозначно сказать, что знали о нем все. Отчасти по характеру работы в прокуратуре, в Комитете Госдумы по безопасности, по участию в оппозиционной борьбе, а отчасти по особенностям его личности. Виктор Иванович не был человеком открытым. Он был доступным, общительным, отзывчивым, но открытым – никогда. Очень много тайн сопровождало его деятельность. Какие то их проявления он не скрывал – в рабочем кабинете с завидной периодичностью появлялись люди, предоставляя ему для ознакомления документы, сводки, справки, публикации, комментарии. Молча приходили, молча уходили... После этого Илюхин, оставаясь один на один со своими мыслями, то снова склонялся над интересовавшими его документами, то срочно выезжал из Думы, чтобы где то с кем то поделиться своей информацией и почерпнуть новую.

Он занимался опасным делом. Его интересовала глобальная тема – государственная безопасность во всех ее проявлениях. В том числе и коррупция в высших эшелонах власти. Возможно, поэтому он считал своим долгом участвовать в учреждении различных фондов, общественных комиссий и аналитических центров, изучающих это явление и активно борющихся с ним. Кто то из его «однопольчан», с кем он начинал антикоррупционную войну, уже ушел из жизни в достаточно молодом возрасте. Олег Вакуловский один из них. Известный журналист, глубоко «копавший», не раз участвовал с Илюхиным в «громких» пресс конференциях. Потом его не стало. Причина летального заболевания неизвестна. Юрий Щекочихин, член Комитета Госдумы по безопасности... Отравлен. Эти имена на слуху. Но есть среди погибших соратников Илюхина по борьбе и те его коллеги, кого широкая общественность не знает. Да и сама смерть Виктора Ивановича оставляет много вопросов.

Илюхин понимал, что коррупция – система преступного обогащения чиновников с использованием государственных служащих и криминалитета. Фактически это своеобразная организация или ряд не связанных друг с другом организаций, применяющих одни и те же принципы преступной деятельности. Эта среда разлагает общество быстрее, чем ржа разрушает железо. Зная, что в силу ряда причин правоохранительные органы не имеют возможности эффективно бороться с коррупцией, Виктор Иванович многие годы создавал свои структуры, противодействующие социальному загниванию. Многие нити руководства ими он держал в собственных руках.

Наверное, есть люди, которые после смерти Илюхина перехватили бразды правления и продолжили его дело. Время от времени в прессу и на телевидение просачиваются скандальные известия о причинах смещения с должности крупного чиновника или о несостоявшемся рейдерском захвате важного для государства предприятия. Основной же поток информации, свидетельствующий, что «дело Илюхина» живет, поступает президенту, председателю правительства, генеральному прокурору, в правоохранительные органы за подписью людей, от которых мимоходом не отмахнешься, – эти данные требуют проверки и обязательного ответа автору. А если информация «не подтвердилась», это означает, что где то там «на засветку» оперативно отреагировали и, понимая, что их дела раскрыты, прекратили суету. Или наоборот, начинается давление на автора письма. По тому, кто «выходит» на подписанта, можно судить о цепочке чиновников коррупционеров, о длине щупальцев омерзительного спрута. Словом, со смертью

Илюхина война за справедливость не закончилась. Добро не побеждено. Правда не спутана с ложью.

Виктор Иванович Илюхин был настоящим бойцом. История его жизни – это и есть история страны в период катастрофического крушения прежнего социального строя, когда одна часть некогда бывших советских людей соблазнилась деньгами, властью и западными ценностями, а другая, большая часть, осталась верна принципам народовластия. Первые, договорившись с собственной совестью, пристроились к кремлевским «реформаторам» и живут, свысока поглядывая на «недотеп и неудачников». Вторые, сознавая гибельность пути, по которому ведут страну «питерские карусельщики», противостоят натиску безнравственного, бесчеловечного капитализма и ценой титанического и неблагодарного труда готовят будущие перемены.

Именно этой борьбой и надеждой на победу жил Виктор Иванович Илюхин. Этим живут и его товарищи, его страна.

Помощник депутата В.И. Илюхина в 1998–2011 гг.

Александр Волков

Часть 1

Обвинения против Горбачева, Ельцина, Путина

Обвинения против М.С. Горбачева

Почему я возбудил уголовное дело против Горбачева?

Прежде всего скажу о причинах, которые заставили меня возбудить уголовное дело в отношении Горбачева. Они не носят личностного характера, как некоторые хотели бы видеть. Мне не приходилось общаться с ним, я ему не был представлен, хотя мы один раз и обменялись рукопожатиями.

Было это зимой 1991 года. Горбачев приезжал в Прокуратуру Союза ССР, участвовал в совещании прокурорских работников. За кулисами зала, где собрались все члены коллегии, и произошла эта короткая встреча.

Внешне он всегда оставлял о себе приятное впечатление своей мягкостью, интеллигентностью и общительностью. Хотя от других знаю, что у себя в служебном кабинете он частенько в разговорах употреблял резкие выражения, которых нет в толковых словарях.

Но о людях, и тем более о президенте, надо судить не по словам, а по делам.

И здесь, пожалуй, в Горбачеве уживаются как минимум три лица: Горбачев начала перестройки, Горбачев ее апогея и Горбачев реального распада Советского Союза.

Первый действительно всколыхнул страну, мир, объявив курс на обновление, курс, который был положительно воспринят почти всеми.

Второй, после того, как огромные массы людей пришли в движение, вдруг обнаружил, что не знает, куда их вести, а может быть, не захотел или не мог. Время действий сменилось пустой говорильней, шараханьем из стороны в сторону, топтанием на месте, распадом экономики и государственности.

Третий, оказавшись в состоянии депрессии и без всякой опоры в массах, полностью выпустил руль управления страной. Неимоверно быстро скатился вниз, к финалу своей карьеры, однако, и падая, продолжал разрушать некогда могучее государство.

При всех различиях во всех трех фигурах Горбачева всегда и везде присутствовал один – ставропольский секретарь крайкома, привыкший ставить задачи, говорить с трибун долго и, чаще всего, нудно, но не контролировать исполнение намеченного и не добиваться конечного результата.

Горбачев забыл известную истину, что цель – ничто, если она не становится реальностью. Пустыми обещаниями о светлом будущем нельзя долго обманывать народ. Он не прощает обмана.

Трагедия политика Горбачева, склонного к постоянным компромиссам, безвольного и удивительно поддающегося влиянию извне, заключается в том, что он на седьмом году правления оказался ненужным ни правым, ни левым. Он потерял всякую поддержку в массах, и те отвергли его. Предательство всегда осуждалось в народе.

* * *

О Горбачеве как о политике еще будут говорить, и мнения могут быть самые разные.

Запад, например, уже назвал его человеком конца XX века. Немцы нарекли Горбачева «великим немцем», аналогично оценили его лидеры Америки и Канады, Англии и Италии. Это их оценки. Но могут ли так назвать своего, пусть бывшего, но все-таки президента рус-

ские и армяне, украинцы и азербайджанцы, буряты и молдаване, татары и мордва? Нет, не могут. Слишком много бед и несчастий обрушилось на них в горбачевскую «эпоху». Ожидаемое обновление от перестройки обернулось для многих большой трагедией. Счет убитых и раненых в национальных стычках шел на тысячи, количество беженцев перевалило за миллион. Их никто не регистрировал. Общество стонало от территориальных и социальных противоречий. Рвались веками сложившиеся связи между людьми, росло их массовое обнищание. Реальностью стала гражданская война в Закавказье. Вместо движения вперед страна была отброшена далеко назад, на многие годы.

Горбачев, начав «раскапывать старые могилы», забыл, что они дурно пахнут и от этого зловония могут задохнуться окружающие. При его правлении весь Союз превратили в археологические раскопки. Правда, никто не подумал о том, где складывать находки, как потом проводить границы, делить территории и людей разных национальностей и вероисповеданий, давно перемешавшихся между собой.

Горбачев не заметил, как он постепенно, вкупе с националистами и постоянно потакая им, вырыл для всех нас огромную яму.

Под лозунгом исправления перегибов в национальном вопросе, допущенных Сталиным, мы скатились в другую крайность. К сожалению, во главу угла поставили «национальность», а не «человека» и неукошнительное обеспечение его прав и свобод, где бы он ни проживал, какой бы крови ни был, к какой бы конфессии ни принадлежал. Словно во времена феодальной раздробленности, нас пытаются окончательно замкнуть в своих национальных квартирах, разделить людей на коренных и некоренных, лояльных и нелояльных. Людей заставляют менять гражданство и язык, убеждения и нравственность. При этом не перестают повторять слова о дружбе между народами и республиками, теперь уже государствами. С трудом пытаюсь понять, как можно после этого дружить. Запереться от соседей, огородиться высоким частоколом, таможенными барьерами и дружить, так сказать, из-за забора. К сожалению, такая перспектива по душе национал-сепаратистам, которым удалось в ряде регионов путем обмана столкнуть на этот путь и население. Именно они в борьбе за политическую и личную власть умело разыграли очень тонкий, очень болезненный национальный вопрос. Именно на спекуляциях вокруг него они, именуя себя демократами, пришли к власти в Грузии и Армении, в Прибалтике и Молдавии, в других регионах. Это была цель, и ради нее забыли о мире на земле, о благополучии народа, который, ввергнув в пучину междоусобиц, вновь предали.

Вспомните, как известные события вокруг Карабаха породили страшные трагедии Сумгаита. Не берусь судить, на чьей стороне правда, но человеческие жертвы должны были заставить лидеров карабахского движения задуматься над случившимся. Путь был явно тупиковый и с учетом многих факторов не мог принести ничего, кроме новых жертв. В Армении и за ее пределами сумгаитские события обсуждали долго, но стратегию не изменили. Более того, 1 декабря 1989 года Верховный Совет АрССР принял неконституционное решение о присоединении НКАО к Армении. И как ответная реакция буквально через месяц в Баку и других местах начались массовые погромы и выселения армян.

Те, кто стоял у истоков и возглавил карабахское движение, кто принимал непродуманные, недальновидные решения, как жили, так и живут. С их головы не упал ни один волос, у них дом, семья, хороший стол и мягкая постель. А сотни тысяч армян, чаще всего простых честных тружеников, превратились в изгоев, кочующих по стране, униженных и оскорбленных, порой не имеющих крыши над головой и куска хлеба. Многие из них с осуждением и неодобрительно отзываются о политике своих соотечественников. Другие так и не понимают, откуда и за что же такие бедствия.

* * *

Национальные распри, как цепная реакция, покатались по Союзу с карабахских событий. Прими тогда Горбачев вместе со своим политическим окружением твердое решение по НКАО, потуши в самом зародыше начинавшийся пожар, уверен, удалось бы избежать распада страны в целом, гибели сотен, тысяч ни в чем не повинных людей.

А потушить можно было. Я хорошо знаю и помню события в Закавказье, ибо длительное время возглавлял там следственные группы по расследованию преступлений, совершенных на почве межнациональной розни. Общался с сотнями беженцев как из Армении, так и Азербайджана. Видел глаза детей, наполненные ужасом и страхом. Знаю, как они вместе со взрослыми уходили из родных мест, разутые и раздетые, по перевалам, по снегу, звериными тропами, а в них стреляли и стреляли, как на дикой охоте. Нельзя без содрогания в сердце видеть и слышать об этих трагедиях. Так называемые горбачевские переживания в Форосе в сравнение не идут с болью и страданиями многих людей, живущих в Закавказье.

Горбачев не только не пресек территориальные претензии, но фактически потакал сепаратистам. Он с почестями отправил на пенсию с содержанием в 400 рублей (тогда это были деньги) одного из лидеров карабахского движения, первого секретаря обкома НКАО Г. Погосяна, предложил ему квартиру в Москве. А ведь Погосян вместе с бюро обкома был инициатором принятия антиуставного решения о выводе областной партийной организации Карабаха из состава компартии Азербайджана. Решение носило явно провокационный характер и несомненно сыграло роль детонатора.

Будучи в Азербайджане, мы, работники правоохранительных органов Союза, с удивлением и глубокой тревогой восприняли решение Президиума Верховного Совета СССР о введении в январе 1989 года НКАО особой формы управления. Решение было заведомо ошибочным, удобным для армянских сепаратистов и усугубляющим ситуацию. У его истоков опять стоял Горбачев. Известны и советчики из числа московских аппаратчиков. Почему-то их слушали, но не нашли возможности послушать нас, выяснить наше мнение по той проблеме, которую мы могли подробно и объективно осветить. Особая форма управления лишь усугубила ситуацию, а искусственно созданный карабахский конфликт сделала еще более неразрешимым.

В то время из политического руководства страны лишь один Лигачев твердо и однозначно заявил, что Карабах был и должен остаться неотъемлемой частью Азербайджана. Но его позицию в Политбюро партии и в Верховном Совете утопили в пустых рассуждениях и ничего не значащих решениях.

Горбачев ушел в сторону, а самые тяжелые камни со стороны армянской диаспоры полетели в Лигачева. Не сдержался и Гдлян, пытаясь скомпрометировать его ложными, натасканными обвинениями в получении взяток.

Горбачев ушел и от разрешения противоречий, возникших между Грузией и Южной Осетией. Спокойно и безучастно наблюдал, как два народа истребляют друг друга.

Настоятельные предложения бывших КГБ, МВД и Прокуратуры Союза ССР о силовом разоружении вооруженных формирований в Закавказье не находили поддержки. Мы были убеждены, что разоружать надо. Если бы тогда, в 1989 году, в этом вопросе руководство страны проявило твердость, возможно, удалось бы избежать гражданской войны в Закавказье.

События в Закавказье неоднократно обсуждались на коллегии союзной прокуратуры и межведомственных координационных совещаниях правоохранительных органов и Министерства обороны.

Президент страны нами подробно информировался. Ему направлялись программы мер, в том числе проекты законодательных актов о введении уголовной ответственности за создание, организацию и руководство вооруженных формирований, не предусмотренных союз-

ными законами. Однако многие предложения не находили поддержки. Наверху опасались, что насильственное разоружение, с использованием воинских формирований, будет сопряжено с кровью. Это действительно так, ее не удалось бы избежать. Но была бы пролита кровь самих бандитов, виновных лиц. Сейчас же чаще всего бандиты проливают кровь невинных людей, женщин и детей.

В начале ноября 1990 года мне пришлось организовывать следствие по факту убийства кишиневской милицией трех обезоруженных жителей г. Дубоссары в Молдавии. Много приходилось общаться с людьми из Приднестровья, поэтому могу утверждать, что они не могли назвать Горбачева своим президентом. Наоборот, я слышал от них горькие слова упреков и отчаяния, их заявления о том, что Горбачев не только не защитил, не только не помог развязать тугой узел противоречий, а предал их. Как предал сотни тысяч людей некоренной национальности в Прибалтике, но об этом разговор особый.

* * *

Я уверен, что Горбачев сделал роковой для страны шаг, пойдя на обсуждение и подготовку нового Союзного договора, который использовали как ширму для развала всей государственности. Конечно, так поступил не только он один, но и некоторые другие республиканские лидеры.

Все дело в том, что за время перестройки у нас в обществе набрали силу те, кто однозначно заявил об ошибочности выбора, сделанного в 1917 году. Поэтому они начали и интенсивно продолжают процесс демонтажа прежней системы и замены ее на старые капиталистические отношения. Те, кто организовали и возглавили этот процесс, хорошо поняли, что покончить с ранее закрепленным в конституциях страны и республик общественным строем сразу, во всем Союзе, невероятно сложно и, может быть, невозможно. Поэтому Союз решили расчленить на части и реставрировать капитализм отдельно в каждой республике. Реставрация неизбежно приобрела формы контрреволюции или революции, кто как считает, и неизбежно породила и породит еще неисчислимые жертвы и потери во всем.

Союз затрещал по всем швам, разрушительные процессы перекинулись на республики, в том числе на Россию. На Западе частенько раздаются голоса о стирании вообще с карты мира Российского государства. Мысль об отказе от Союзного договора 1922 года мне напоминает «троянского коня», с помощью которого, так сказать, начались деструктивные процессы.

Не случайно в то же время три Прибалтийские республики потребовали предоставления им экономической самостоятельности. Оттуда послышались и первые голоса о новом договоре. В Прибалтике хорошо понимали, что разрушение единого государства, независимо от того, под какими благовидными формами оно произойдет, даст Латвии, Литве и Эстонии возможность без проведения всенародного референдума выйти из Союза. Воссоздать же СССР как единое государство вряд ли удастся. Ибо любые усилия, направленные на это, всегда можно загнать в угол, утопить в различных согласованиях, проволочках, несовпадениях позиций, что и наблюдаем. Идею о новом договоре подхватили, обосновали теоретически и довели до абсурда, до отказа от Союза вообще.

В Харькове на съезде демократических партий, состоявшемся накануне Всесоюзного референдума о будущем нашего государства, однозначно решили: «нет референдуму», «нет Союзу». Против референдума и Союза в то время выступили Ельцин Б., Собчак А., Попов Г., Станкевич С. и другие лидеры демократических течений. Правда, поняв непопулярность своей позиции среди широких слоев населения, они скорректировали ее и выступили против старого Союза, за его разрушение и построение нового. Но здесь, как представляется, было больше борьбы за власть, стремления разрушить Центр, чем заботы о сохранении страны. Во что это

вылилось – убеждаемся каждый день, глядя на пустые полки магазинов, остановку предприятий, длинные колонны иммигрантов внутри страны.

В той же России ее лидеры, парламентарии на словах почти все ратовали за Союз. На деле же предпринимали такие шаги, которые несомненно разрушили единое государство. Об этом могут, например, свидетельствовать заявления о создании Российской армии, о ликвидации союзных банковской и финансовой систем и т. д. В этом за Россией последовали и другие республики. Теперь уже были отброшены все варианты договоров и даже конфедерации. Хотя народ на референдуме о судьбе страны большинством голосов сказал: «Да Союзу!», демократические лидеры проигнорировали его волю, исходя в политике из своих личных амбиций, групповых, партийных интересов. Не пора ли за это с них строго спросить? Уж кому-кому, а им-то должно быть известно, к каким человеческим трагедиям привел распад Союза!

* * *

Следует отметить, что сама концепция отказа от Договора 1922 года не была вызвана необходимостью и являлась юридически несостоятельной. Как известно, создание СССР провозглашено 30 декабря 1922 года в составе РСФСР, УССР, БССР и Закавказской республики, в последующем к нему присоединились другие республики. На базе соглашений об образовании Союза и вхождения в него были приняты конституции СССР 1924, 1936 и 1977 годов, а также республиканские конституции.

Союз был скреплен юридически, и, самое главное, он существовал и пока существует в политических, экономических, научных, технических и просто человеческих связях. Для большинства людей он стал необходимостью, жизненным пространством. Правда, оппоненты заявляют, что старый Союз ряд республик не устраивал; возникло много споров, разногласий, в том числе по причине засилья в нем Центра.

Конечно, нельзя отрицать нынешних серьезных противоречий. Однако еще и еще раз необходимо было все трезво оценить и взвесить.

Во-первых, нельзя путать волю народа с волей политических деятелей. Только народ, нации, а не парламенты и президенты имеют право на самоопределение. Что касается воли большинства граждан, то она была твердо высказана, люди хотели жить в едином Союзе.

Во-вторых, если возникла необходимость обновить Союз, перераспределить полномочия между Центром и республиками, то это необходимо было сделать путем внесения изменений в конституции, разработки и принятия других законов. Если же кого-то Союз не устраивал, то из него можно было выйти, но опять в соответствии с конституциями и иными нормативными актами, через референдумы в республиках. Правовая база для этого была создана. Сами же референдумы по вопросу проживания в Союзе недопустимо было подменять голосованием за независимость: это несопоставимые понятия. Республики, по Конституции, независимы, но могут на равных проживать в Союзе. Недопустимо было результаты голосования за независимость в Прибалтике, на Украине, в других республиках истолковывать как желание народов жить вне его.

Названный порядок разрешения противоречий, споров является правовым и цивилизованным. Он позволил бы сохранить незыблемость существующих территорий республик и страны, наших внутренних и внешних границ. Позволил бы разумно решить вопрос об армии, денежной системе, едином экономическом и правовом пространстве.

Одним словом, проводя радикальные реформы в государственном устройстве, мы всегда бы оставались на твердой почве. И неплохо бы еще раз всем нам заглянуть в материалы, закрепляющие образование нашего Союза в двадцатых годах. Записанные в них положения по своей значимости и смыслу были и пока остаются прогрессивными, юридически выверенными и точными. Есть чему и поучиться. Сам же Договор 1922 года не предусматривает процедуры

подписания нового Договора или его денонсации. Возможны лишь два варианта: уточнение, изменение отдельных его положений или выход из Союза конкретной республики.

* * *

Здесь естественно возникает весьма закономерный вопрос. Мог ли Горбачев, имея, конечно, желание и волю, не допустить развала Союза? По моему мнению, ответ должен быть только утвердительный. Да, мог.

Идеи единого Союзного государства были сильны в Верховном Совете СССР, а также у съезда народных депутатов страны.

За Горбачевым оставались еще армия и правоохранительные органы. И самое главное – Союз нашел большую поддержку на референдуме в марте 1991 года. Что еще было надо для лидера? Только желание сохранить страну. Желание и воля, воля и конкретность в действиях.

Однако сейчас все больше и больше убеждаешься, что этого стремления у Горбачева не было. Были пустые, длинные слова, топтание на месте. В результате союзная государственность вопреки мнению большинства народа оказалась разваленной.

Разваливать начали с хорошо организованной и глубоко продуманной кампании дискредитации опять-таки армии, КГБ, прокуратуры.

МВД разложить не представляло большой сложности. Достаточно было поставить во главе этого ведомства «демократа»-дилетанта Бакатина В., и цель достигалась без особых усилий.

С другими оказалось сложнее. Армию разлагали, травили, унижали и оскорбляли со всех сторон и по любому поводу, начиная с тбилисских событий и кончая спекуляциями вокруг, в общем-то, здорового движения солдатских матерей. В тбилисских трагедиях оставил свой след и Собчак. Сколько гнева, сколько молний обрушил Собчак на командование Закавказского военного округа, на Министерство обороны страны фактически за то, что тогда, 9 апреля 1989 г., благодаря использованию солдат удалось предотвратить страшную бойню. Тогда остановили большую беду, потом не смогли, армия вынуждена была занять нейтралитет.

Нападки на прокуратуру сопровождались сменой ее руководителя. За три года в кресле Генерального прокурора побывали три лица. Остановились на Трубине Н., человеке беспринципном и податливом, который, в общем-то, и подписал акт о капитуляции прокуратуры.

Органы государственной безопасности с помощью того же Бакатина почти свели на нет. КГБ расчленили, раскрыли методы разведывательной и контрразведывательной деятельности. Из страны хлынул поток утечки стратегической, государственной информации.

Не знать о нападках на армию, правоохранительные органы Горбачев не мог. Мы об этом ему частенько докладывали. Однако он фактически ничего не сделал для предотвращения развала государственных структур. Он не просто бездействовал. Он предавал своих бывших друзей, единомышленников, которых еще совсем недавно уверял в своей дружбе и верности. Предал коммунистов в ГДР и Чехословакии, в Польше и Монголии, в Прибалтике и Грузии, в Армении и России. Он предал целиком всю партию. Предал Рубикса, Хонеккера, предал рижский ОМОН, прокурорских работников в Литве и Латвии, до конца оставшихся верными Союзу и законности. Такого предательства мир еще не знал.

Горбачев предавал постоянно, лишь бы усидеть самому в кресле президента. Предавал, чтобы на других свалить всю ответственность за свои же собственные просчеты, ошибки и умышленные действия. Будучи предателем по своей натуре, он сколотил себе и такое же окружение из таких же перевертышей: Яковлева А., Собчака А., Попова Г., Бакатина В., Шеварднадзе Э. и других.

* * *

Эти люди известны у нас в стране своим лицемерием, лживостью проповедуемых идей. Черная тень перевертыша Яковлева многие годы нависала над партией коммунистов. Этот «черный кардинал» разрушал ее изнутри. Перевертыши Собчак и Попов ученые степени и звания заработали, осваивая азы марксистско-ленинского учения о праве и экономике. В конце 80-х годов они уже были ярыми поборниками капитализма.

Перевертыш Бакатин В. – бывший партийный функционер, бывший главный милиционер страны, затем главный контрразведчик и разведчик. Меня в нем всегда поражали апломб, готовность «работать» везде, куда пошлют партия и страна. По моему мнению, он был человеком малокомпетентным и занимался не своим делом. Бакатин прослыл «каменщиком» перестройки, а на деле он был разрушителем государственности как союзной, так и российской. Не сопротивляясь, даже охотно, отдал министерства внутренних дел в Прибалтийских республиках, выкопал могильную яму органам государственной безопасности страны и республик. Последнее его достижение было связано с рассекречиванием схем и технических средств, используемых нашей разведкой и контрразведкой. Шаг, настолько ошеломляющий то ли своей глупостью, то ли утонченной хитростью разведчика, что его не поняли не только в бывшем Союзе, но и за рубежом. Американцы прямо заявили, что на ответные подобные действия они не пойдут. После этого остается только удивляться. Оказывается, чтобы прослыть «героем», надо обязательно совершить предательство. Ведь речь идет не просто о схемах прослушивания, а о рассекречивании самих технических средств, уникальных по своим инженерным, конструкторским решениям, над которыми длительные годы работали целые отрасли, НИИ, лучшие умы отечественной науки. И все это одним махом было разрушено...

Шеварднадзе Э.А., на мой взгляд, – перевертыш, каких свет не видел. Популярность и признание получил будучи партийным функционером, распевая хвалебные оды Брежневу Л.И., социализму, Октябрю, торжеству идей коммунизма. Затем он – «великий» демократ, либерал, ярый враг марксизма-ленинизма, а кто же он на самом деле, самому Богу не известно.

Последними его достижениями на дипломатической стезе были разорительные для России соглашения, заключенные с США, по акватории Берингова моря, а также губительный для нас договор по срокам вывода советских войск из Германии...

Идеи социализма предали люди, называвшие себя верными учениками Ленина, а потом готовые тело самого вождя выбросить на свалку, надругаться над ним. И все это они называли прозрением. Прозрение ли? Не слишком ли поздно оно наступило для них, в 60 и более лет? Скорее всего, это были цинизм и бессовестность.

Глубоко убежден, что и демократию они в душе презирали и ненавидели. Для них главное было – власть, и ради нее они готовы были предавать всех и вся: идеи и партии, недавних друзей и соратников, народы и мир на земле.

Вспомните хотя бы так называемое «противостояние» Горбачева и Ельцина. Больше чем грязным его не назовешь, ибо все свелось к борьбе за превосходство, а чередовалась борьба горячими лобызаниями друг друга. К каким только нечистоплотным методам в ней не прибегали, собирая грязь и «компру» друг на друга! Временно заключали перемирие, когда садились есть большой «пирог» власти, и снова «пихались» и дрались, если один из них чувствовал, что ему меньше досталось, а другой больше отхватил.

По себе подбирали и окружение. Среди вождей демократии затесались, например, Гдлян и Иванов. Их фамилии часто упоминались вместе с фамилиями Ельцина, Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и другими. Они были в одной кучке на митингах и собраниях межрегиональной группы, съездах «ДемРоссии», среди защитников Белого дома и на похоронах «жертв» так называемого путча.

Но мало кто знает, что Гдлян и Иванов пытались ранее эту «могучую кучку» повязать обвинениями в получении взяток.

В ходе расследования дела о нарушениях законности, допущенных в Узбекистане гдлян-новской группой, нам неоднократно приходилось слышать об этом.

Любопытные показания дала содержавшаяся под стражей Абдуллаева Р. Она рассказала, что Гдлян и Иванов постоянно хвастали о наличии у них материалов в отношении «Кремлевской мафии». Они выстроили пирамиду от Узбекистана до Москвы. На одном из допросов Иванов заявил: «Мы должны закончить эту пирамиду вашими людьми по идеологии, т. е. Яковлевым и Разумовским».

«Я это предложение не поддержала, – сказала Абдуллаева, – заявив, что никогда не была у них в кабинете. Спустя какое-то время Иванов мне предложил давать показания на Ельцина, о том, что во время его пребывания в Узбекистане Ельцин получил в подарок или как взятку дорогой ковер стоимостью более четырех тысяч рублей. Я тогда сказала, что не знаю такого факта.

Далее, когда Ельцин начал набирать очки в избирательной кампании, Гдлян и Иванов переориентировались и стали собирать показания на Лигачева, т. е., как я поняла, они разыгрывали «ельцинскую козырную карту». Ревеко по этому поводу мне на допросе сказал, что больше всех голосов на выборах в Москве набрали Ельцин и Гдлян и что Гдлян подписал письмо в ЦК в защиту Ельцина».

* * *

В 1989 году, после назначения на должность начальника управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, я получил доступ к обширной информации о событиях в Союзе, в том числе и закрытого характера.

Начиная с 1989 года в управление усиленно стали поступать обращения граждан некоренной национальности, а также военнослужащих из Прибалтики. В них сообщалось о грубых нарушениях жилищных, трудовых прав. Такие обращения участились после принятия в 1980 году Литвой, Латвией и Эстонией Деклараций о независимости, которыми приостанавливалось на их территории действие союзных законов. Вновь принятые законодательные, иные правовые акты республик носили явно дискриминационный характер.

Некоренному населению фактически отказали в гражданстве, их признали людьми второго сорта. Последовали ограничения их прав в политической сфере. В Латвии, например, 3 декабря 1990 года приняли закон, запрещающий военнослужащим выдвигать своих кандидатов в Советы народных депутатов на собраниях в воинских частях и создавать там избирательные комиссии.

Совет народных депутатов Видземского предместья Риги 16 ноября 1990 года принял решение о досрочном прекращении полномочий четверых депутатов военнослужащих. Жителям некоренной национальности стали отказывать в прописке, препятствовали устройству детей в школы и детские сады из-за незнания языка, отказывали в продаже продуктов, товаров.

В Таллине установили ценз оседлости в 25 лет постоянного проживания для получения квартиры, постановки на очередь на жилье, на прием в жилищно-строительные кооперативы. Многих лишили прописки.

Представителей некоренного населения постепенно стали вытеснять с руководящих должностей, выгонять с работы – из министерств и ведомств, предприятий и фабрик. По сути дела, сотни тысяч людей оказались изгоями, лицами без гражданства и Родины.

Об их тяжелом положении Горбачев прекрасно знал, ибо постоянно информировался нами, Комитетом государственной безопасности. Работники прокуратуры неоднократно выезжали в Прибалтийские республики вместе с народными депутатами СССР для проверки кон-

кретных обращений граждан. Об этих поездках и неутешительных выводах проверяющих также докладывалось Верховному Совету СССР и Горбачеву. Однако никаких существенных мер для реального улучшения положения некоренного населения и военнослужащих не принималось. Наоборот, постепенно все было отдано на откуп националистам, и те подавили всякое сопротивление, которое оказывали произволу русскоязычные люди и рыцари чести и совести из числа коренных жителей.

Наступлению на права граждан предшествовали открытые атаки на советскую власть, реставрация свергнутых в 1940 году буржуазных режимов. Для этого умело манипулировали имевшимися в прошлом сталинскими репрессиями невинных людей. Искажали основополагающие принципы социализма. Экстремисты умело разжигали националистические настроения и готовили почву для тихого государственного переворота.

Так называемые народные фронты, саюдисты, комитеты за освобождение и прочие сумели полностью взять под свой контроль средства массовой информации и через них обрушить на народ поток грязи и антисоветской истерии. Успехи советского народа либо замалчивались, либо преподносились искаженно. Зато буржуазный режим всячески приукрашивался и преподносился как эталон демократии. Однако этот «эталон» во многом держался на военном положении и репрессиях инакомыслящих в буржуазных республиках Прибалтики.

В Эстонии, например, за годы буржуазной демократии, по некоторым данным, в военных трибуналах состоялось 959 политических процессов. Осуждено около 2 тысяч коммунистов; каждый четвертый приговорен к смертной казни, многие – к пожизненной каторге. Аналогичные, если точнее, более крупные процессы проходили в Латвии и Литве.

А вот еще страшные цифры. За годы немецкой оккупации в Эстонии казнили свыше 125 тысяч человек, из них 64 тысячи советских военнопленных. После войны от бандитских пуль и ножей там же погибли 300 советских работников – 52 работника госбезопасности и органов внутренних дел, 47 военнослужащих и 497 членов семей советских активистов. Эти факты бандитизма имели еще больший размах в двух других Прибалтийских республиках. Сейчас их пытаются вычеркнуть из истории и отравить сознание людей дезинформацией...

В руководстве компартий республик, в законодательных и исполнительных структурах вызревало откровенное предательство не только союзных идей, но и интересов собственного народа. Достоинством органов государственной безопасности, их офицеров, до конца оставшихся верными присяге, стали подготовленные националистами списки лиц, подлежащих в случае возникшей необходимости обезвреживанию, вплоть до физического уничтожения вместе с семьями. Одним словом, ситуация накалялась все больше и больше.

О событиях, происходящих в Прибалтике, Горбачев информировался подробно. Однако вместо принятия решений шло заигрывание с сепаратистами. Более того, эмиссаром в Прибалтику им был направлен Яковлев А., человек, который, как я полагаю, никогда не был поборником союзной государственности, да и российской тоже. Известны его доклады по возвращении из поездок, суть которых в том, что в Прибалтике идут нормальные здоровые процессы и ни о каком выходе из Союза никто не ведет там серьезных разговоров. Его дезинформация, в конечном итоге, обернулась нарушением границы, территорий, забвением прав и свобод сотен тысяч проживающих там людей.

* * *

Августовские события 1991 года застали меня в Пензе, где я гостил со своей семьей у родителей. Престарелая мать жены находилась в больнице, поэтому весь отпуск мы решили провести рядом с ней. 19 августа мы с женой проснулись от резкого звонка.

Открыли дверь – на пороге стояла взволнованная, но радостная соседка. Она залпом сообщила, что по радио передали об отставке Горбачева, создан комитет по управлению страной.

В 8 часов утра мы слушали радио, однако из тех информационных сообщений сложно было понять, что же все-таки произошло. Ясности не внесли и последующие сообщения.

Позвонил в Прокуратуру СССР, там тоже, кажется, было больше неведения и растерянности. Генеральный прокурор отсутствовал, его обязанности исполнял первый заместитель Генерального Васильев А.Д.

В Пензе обстановка оставалась спокойной, никаких чрезвычайных мер не вводилось. Город жил обычной жизнью. Те люди, с которыми приходилось общаться или наблюдать их в магазинах, в общественном транспорте, конечно, оживленно обсуждали произошедшее событие. Я редко когда слышал осуждение «путчистов», может быть, потому, что люди в своем большинстве с одобрением восприняли отстранение от власти Горбачева. В народе он стал фигурой нарицательной, давно потерявшей уважение и популярность.

Мне запомнилось несколько эпизодов из жизни полумиллионного города. 19 августа пензенское отделение «ДемРоссии» объявило о проведении митинга в защиту Ельцина и Горбачева и с целью осуждения путча. Однако вечером в назначенное время на центральной площади собралась небольшая группа людей. Попытки пригласить на митинг пассажиров из проезжавших мимо троллейбусов и автобусов в основном успеха не имели.

Вечером в троллейбусе я был очевидцем того, как на одной из остановок вошел молодой парень и стал предлагать листовки в поддержку Ельцина. Но уже в самом начале незнакомый мужчина, скомкав листовку, бросил ее в лицо парню, сказав, чтобы тот немедленно убрался из троллейбуса. Парень безропотно его покинул.

По оценкам некоторых социологов, августовские события, а точнее отстранение от власти Горбачева, отрицательно восприняли не более 20–30 % взрослого населения страны...

Утром 22 августа я снова позвонил в Москву заместителю Генерального прокурора Абрамову И.П., но тот опять ничего конкретного на мои вопросы не сказал, кроме разве того, что я могу не прерывать отпуска, но регулярно поддерживать связь.

Меня постоянно не покидали мысли о сути происходящего. Строил предположения, версии. Еще вечером 19 августа в семейном кругу я высказал возможные причины и сценарий путча.

Я знал, что Крючков В. и Павлов В. неоднократно докладывали о сложной ситуации в стране, о разрушении государственности и возможном экономическом крахе. Предлагали принять конкретные меры, восстановить действие Конституции СССР. Очередной такой доклад последовал Горбачеву в Форосе. По-видимому, в очередной раз Горбачев после неутешительных сообщений о ситуации в стране патетически спросил: «А что же вы все-таки предлагаете?»

Будущие путчисты предложили принять ряд чрезвычайных мер, в том числе и самого крайнего толка – использование военной силы. Горбачев, как всегда, отверг их предложения, сославшись на то, что его в мире знают как большого гуманиста, демократа и лауреата Нобелевской премии. Тогда ему предложили «заболеть», временно передать власть Янаеву, а они сами попробуют реализовать свои предложения. На это Горбачев дал, по всей вероятности, согласие, с чем все и разъехались.

Горбачев же, оставшись один, еще раз все взвесил. Действия «путчистов» его устраивали. В случае их успеха – он с ними. В случае провала – он с демократами, предаст «путчистов» анафеме и решит свои задачи.

* * *

На событиях, происшедших 19–21 августа 1991 года, следует остановиться подробнее. Их назвали путчем, который, по мнению Горбачева, довел общий кризис до предельной черты. Это опять попытка перевалить свою вину на других. Страна до августа 1991 года уже находилась у черты гибели. Путчем же пытались ее спасти, правда, средства для этого выбраны негодные. Путч нужен был Горбачеву и правящей верхушке России, но не трудовому народу. В обществе, в обыденном сознании людей без того начались глубокие изменения, переоценка демократических ценностей. Для народа все очевидней становился обман. Путч приостановил этот закономерный процесс. Им воспользовались реакционные силы. Сбросив лицемерные маски, они пошли в открытое наступление на социальные права трудящихся, на укрепление экономического могущества небольшой кучки людей.

Ельцин под аплодисменты послушного и обслуживающего его российского парламента ринулся на замену политического строя, закрепленного в конституциях страны и России. Пошли гонения на оппозицию: началось расследование дел, носящих явно политический характер, последовал запрет Компартии, после которого Ельцин стал наследником традиций Муссолини, Гитлера, Пиночета, других фашиствующих лидеров.

Дело о путче занимает особое место в правовой практике и по ряду других причин.

Во-первых, грубой подменой права политикой было осуществлено принесение дела в жертву, в угоду амбициям государственных лидеров в борьбе за личную власть.

Во-вторых, тем, что следствие велось с грубыми нарушениями законности. Можно однозначно сказать, что обвинение путчистов в измене Родине было несостоятельно. Арестованные всю свою сознательную жизнь верой и правдой служили Отечеству, своей стране. В те августовские дни ими двигало одно стремление: восстановить действие Конституции СССР, сдержать разрушение союзной государственности, но никак не стремление предать Родину.

Да, ими было объявлено и введено чрезвычайное положение в Москве, ряде других мест, но и это не может свидетельствовать о предательстве. Если это предательство, то как квалифицировать введение чрезвычайного положения в Баку в январе 1990 года. Тогда документ о его введении в нарушение ст. 119 Конституции СССР подписал Горбачев. Он практически устранил законно избранную власть Азербайджана и не согласовывал с ней вопреки Конституции страны установление чрезвычайного режима, то есть фактически превысил свои служебные полномочия.

Горбачеву все сошло с рук. Других за те же действия привлекли к суду. Как не сказать после этого, что дело носило явно политический характер. Носило, да еще какой! Прокуратура России бросила на него все силы и словно не заметила, что чуть позже самый настоящий неконституционный захват власти с разгоном существовавших законных органов совершится в Чечено-Ингушетии...

Генеральный прокурор Степанков, соглашаясь с арестами «путчистов» и давая указание работникам МВД об их исполнении, явно превысил свои служебные полномочия. Имя его в общественном сознании стало нарицательным.

В деле о заговоре он допустил еще одно грубое беззаконие, соединив материалы следствия и обвинения в отношении Лукьянова А. в одно производство со следствием и обвинением других «путчистов». О каком захвате власти могла идти речь со стороны Лукьянова, когда он в государстве, по Конституции, занимал высший пост – Председателя Верховного Совета СССР? Законно был избран на него и занимал пост до последнего момента. Надо ли ему захватывать власть, когда она находилась у него?

Арест Лукьянова А. носил чисто политический характер. Расправа с ним была на совети Горбачева, Ельцина, Степанкова и Трубина. Лукьянова изолировали не потому, что он был

замешан в путче. Его убрали, и сделали это на глазах народных депутатов, публично, при скоплении большого числа людей, чтобы психологически, морально подавить народных избранников, подавить всякую их сопротивляемость президентам, их неумемному стремлению к авторитарной власти.

Изоляцией Лукьянова устраняли одно из серьезнейших препятствий на пути разгона Верховного Совета СССР и съезда народных депутатов СССР. Эти органы обезглавили, сделали неработоспособными и по существу похоронили...

С изоляцией Лукьянова А. действительно торопились. Доказательства его вины не было. Ему предъявили обвинения, поэтому Степанков дал указание сначала задержать его в качестве подозреваемого. Этот незаконник в прокурорском мундире словно забыл или не знал, что оснований для задержания в порядке ст. 122 УПК РСФСР не имелось. Думаю, необходимо для ясности воспроизвести содержание статьи. В ней прямо указано, что орган дознания вправе задержать лицо: если оно застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление; когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; и последнее – если подозреваемый не имеет места жительства или покушался на побег.

Ни одного из этих требований нельзя было применить к задержанию Лукьянова А. Его вину необходимо было доказать, предъявить обвинение, если для этого имелись основания, и только затем арестовать.

* * *

Говоря о нарушении законности по делу о путче, не могу не вспомнить обстоятельства, связанные с производством обыска в доме и на даче у народного депутата СССР Фалина. Сообщение об этом самого Фалина на сессии Верховного Совета СССР в конце августа 1991 года вызвало у депутатов явный шок. Многие понимали, что они, народные избранники, являются заложниками Генерального прокурора Степанкова, никто из них не защищен законом.

Трубин, выйдя на трибуну, заявил, что ему об обыске ничего не известно, попросил время для проверки и последующего доклада сессии. Поручение о проверке дали и Комитету по законности. Казалось, истина и справедливость будут восстановлены. Но это только казалось. На вечернем заседании по поручению Комитета по законности с сообщением о результатах проверки выступил народный депутат СССР, профессор, доктор юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Академии наук СССР Яковлев А.М.

Я слушал его сообщение, и мне было стыдно за профессора, прослывшего ярим поборником демократии, защитником прав и законных интересов, свобод граждан. Сколько громов и молний он выпустил ранее на Прокуратуру СССР, сколько критики и обвинений по поводу ее консерватизма и прочих грехов! Здесь же на трибуне стоял другой Яковлев, уже не громовержец, его словно подменили. Здесь стоял адвокат прокуратуры России.

Он сообщил, что обыск у Фалина действительно произвели следователи с санкции заместителя Генерального прокурора РСФСР Лисова Е. Согласие на это у Верховного Совета СССР не истребовали. По мнению прокуратуры, как сказал Яковлев, в законе о статусе народного депутата СССР сказано, что депутат не может быть подвергнут личному обыску, его жилище, служебное помещение, занимаемое им, также не могут быть досмотрены без согласия Верховного Совета. Прокуратура сослалась на то, что в законе не сказано о необходимости получения согласия на обыск, поэтому она его и произвела. После этого, чтобы избежать в будущем каких-либо недоразумений, как выразился Яковлев, он предложил сессии принять поправку к закону, дополнив его словами о необходимости получения согласия и на производство обыска. На этом вопрос был исчерпан.

Оказывается, законность, права человека многие, в том числе и профессура, защищали только на словах и тогда, когда такой защиты не требовалось. Когда же закон был попран и потребовались решительность и конкретные действия по пресечению произвола, то у многих духу, честности и принципиальности не хватило. Яковлев, словно студент-недоучка, а не профессор, никак не хотел назвать вещи своим именем.

Коли запрещен хоть малейший досмотр жилого и прочего помещения депутата, то обыск тем более недопустим. Любой обыск начинается с визуального осмотра, а потом уже переходит в глубокий поиск. Знал это профессор-демократ, знал, но лукавил, ибо нарушение допустили такие же собраты по демократии. А коли так, то и умолчал, увел своих от ответственности...

Теперь снова хочу вернуться к августовским и последующим событиям. После 23 августа посыпались сообщения об арестах и освобождениях от занимаемых должностей. Из печати узнал об увольнении из прокуратуры Абрамова и снятии с должности первого заместителя Генерального прокурора Васильева А., человека, которого я всегда уважал за его честность, большую порядочность и высокие профессиональные качества. Затем уволили из прокуратуры Главного военного прокурора Катусева. Все приказы подписал Генеральный прокурор СССР Трубин Н.

По возвращении в Москву я узнал о причинах столь скоропалительных его решений. 27 августа, до окончания отпуска, я вошел к нему в кабинет. Необходимо было решить вопросы о времени подписания меморандума о сотрудничестве с Министерством юстиции Австралии, о возможности направления наших свидетелей в эту страну на процессы по военным нацистским преступникам, совершившим злодеяния в годы Второй мировой войны на территории Украины и укрывшимся потом в Австралии.

Трубин был чем-то раздражен, нервничал, на мои предложения отвечал кратко. Я уже собирался уходить от него, но он остановил меня и сразу же без всякого предисловия сказал, что надо прекратить дела в отношении Калугина, Гдляна и Иванова. Его слова вызвали у меня удивление. Почему он в такое сложное время ведет о них разговор? Я ответил, что есть веские доказательства виновности названных лиц и оснований для прекращения не имеется. Тогда он раздраженно сказал: «Надо найти эти основания и прекратить дела». Предложил мне подумать и принять решение. На этом разговор был окончен.

В этот же день я встретился с Васильевым А. Он находился еще в своем служебном кабинете. Мы обменялись рукопожатиями. Его состояние было подавленным. На мой вопрос о причинах отстранения от должности Алексей Дмитриевич протянул мне шифротелеграмму, которую он подписал 20 августа и направил всем прокурорам республик, краев и областей. Когда я ознакомился с текстом, он спросил меня: «Можно ли, исходя из текста, сделать вывод, что всем прокурорам на местах была дана команда поддержать переворот?» Я ответил, что нет. Обычное указание, написанное, как и множество других и направленных ранее прокурорам.

В телеграмме говорилось, что в условиях управления страной Государственным комитетом по чрезвычайному положению необходимо обеспечить строжайшее соблюдение законности, исполнение Конституции СССР и республик.

Обо всех чрезвычайных происшествиях и противодействии ГКЧП, предлагалось в телеграмме, незамедлительно сообщать в Прокуратуру Союза. Видимо, вот эта последняя строка и явилась роковой для прокуратуры и ее руководства. Ее почему-то истолковали как поддержку путчистов. Коллегии прокуратуры выразили недоверие. Сейчас становится ясно, почему так истолковали.

Так называемым демократическим силам давно не нравился состав коллегии, который в основном всегда придерживался приоритета Конституции СССР и союзных законов, прямо говорил о правовом волюнтаризме в стране. Поэтому искали любой повод, чтобы избавиться от коллегии.

Вторая причина заключалась в том, что началось следствие по участникам переворота. В соответствии с действующим законодательством оно должно проводиться Прокуратурой Союза и под ее надзором. Чтобы отстранить нас от надзора, и объявили коллегия путчистской. В этом весь секрет закулисной демократической возни. Какой бы ни была Прокуратура Союза СССР, но она бы никогда не пошла на грубейшие нарушения законности, на те, что допустила Прокуратура РСФСР в ходе следствия по данному делу. Но о них чуть позже.

* * *

На второй день помощник Трубина передал мне его указание о немедленном прекращении дел Калугина, Гдляна и Иванова. Я попросил сообщить Генеральному, что я на сделку с совестью не пойду и принимать такое решение не буду.

Тогда указания Трубина по делу Калугина передали в Главную военную прокуратуру, где их и исполнили.

30 августа 1991 года Трубин подписал постановление о прекращении дела в отношении Гдляна и Иванова. Постановление для него подготовил его беспринципный и неквалифицированный помощник Захаров Ю.

Это решение я назвал предательством законности, конъюнктурным, неправовым, угодливо-политическим. Дело в том, что 12 июня 1991 года тот же Трубин информировал Горбачева, что в ходе следствия собраны дополнительные доказательства, дающие основания для предъявления обвинения Гдляну и Иванову в совершении ими ряда преступлений, в том числе: злоупотребление служебными полномочиями, их превышение, принуждение граждан к даче показаний и к клевете. Он также сообщил, что решается вопрос о повторном вхождении в Верховный Совет страны с представлением о даче согласия на их привлечение к уголовной ответственности.

Аналогично развивались события и вокруг дела Калугина О. В конце мая 1991 года Главная военная прокуратура представила Трубину проект представления в Верховный Совет СССР о получении согласия на привлечение Калугина к уголовной ответственности; так как он тоже был народным депутатом СССР, Трубин поручил мне лично изучить дело и доложить о достаточности доказательств для вхождения в Верховный Совет. До этого результаты следствия неоднократно обсуждались у нас на оперативных совещаниях с участием почти всех заместителей Генерального прокурора, работников военной прокуратуры, а также государственной безопасности. Мнение у всех было единое – Калугин разгласил государственную тайну и должен отвечать по суду.

Несмотря на это, я еще раз ознакомился с материалами дела. Тщательно изучил экспертное заключение, подготовленное специалистами Совмина СССР, Министерства обороны, ряда научно-исследовательских институтов и Комитета безопасности. Выводы экспертов были категоричными: Калугин нанес огромный ущерб государственным интересам страны, раскрыл методы работы разведки и контрразведки, вплоть до рассекречивания нашей агентуры за рубежом.

Остается только удивляться и до глубины души возмущаться, что этому человеку Горбачев вернул генеральское звание, пенсию, а Бакатин, возглавив КГБ, взял его в главные свои советчики. Действительно, в России правили бал предатели и перевертыши, подлецы и бесчестные люди.

Изучив материалы дела и побеседовав со следователями, прокурорами Главной военной прокуратуры, я доложил Трубину о возможности вхождения с представлением на получение согласия на привлечение Калугина к судебной ответственности. Однако предложил входить не в Верховный Совет, а в Президиум Верховного Совета СССР. Свое мнение мотивировал тем,

что многие сведения, находящиеся в деле, носят секретный характер и мы сами вольно или невольно можем допустить утечку государственной тайны.

Генеральный прокурор согласился со мной, и я вскоре подготовил проект представления. Это было перед самым моим уходом в отпуск. Трубин его не успел подписать при мне и оставил у себя.

Будучи уже в отпуске, я позвонил из Пензы своему заместителю Врублевскому А. Тот сообщил, что Трубин изменил свое решение и дал команду переписать представление, изменив адресат – с Президиума на Верховный Совет СССР. Его указание было выполнено, но представление вновь оказалось не подписанным. Трубин уехал на несколько дней на Кубу, а вернулся уже после августовских событий. Представление так и не ушло в Верховный Совет.

В чем же причины резкого изменения мнения Трубина о названных делах? Суть заключается в том, что он, как сообщалось в наших газетах, будучи на Кубе, высказался в поддержку путча. Я не могу утверждать, так это было или нет, но Трубина на «крючок» подцепили. Над ним навис «дамоклов меч». Демократы в Верховном Совете ему поставили условие: или он выполняет их требования, или его объявляют путчистом. Вот после этого Трубин и стал «доказывать» свою приверженность демократии.

Чтобы усидеть в кресле Генерального, тут же поувольнял своих заместителей; как говорится, «прошелся по их трупам». Следом из конъюнктурных, личных угодливых соображений стал прекращать дела в отношении так называемых демократов. Этим и объясняется его пренебрежение законности.

* * *

Сентябрь прошел в обычных делах. Скажу, что я в какой-то мере был доволен тем, что был избавлен от надзора за следствием по августовским событиям. Я с трудом представлял, как войду в камеру к Крючкову или Шенину, людям, которых я знал и знаю только с лучшей стороны – как патриотов своей Родины.

Вместе с тем не покидало чувство тревоги и досады на то, что тебе впервые на третьем десятке лет работы выказали недоверие.

В сентябре в управление из отдела систематизации поступили светокпии Указов Президента РСФСР о приостановлении деятельности Компартии на территории России и о передаче ее имущества в собственность государства.

Указы датированы 23 и 25 августа 1991 года.

Затем поступило Постановление Верховного Совета СССР от 29 августа того же года, которым также приостанавливалась деятельность КПСС на всей территории страны. Документы были проанализированы, сопоставлены с другими нормативными актами. Вывод был сделан однозначный: они не соответствовали, прямо противоречили Конституциям СССР и РСФСР и общепризнанным международным нормам и обязательствам, принятым на себя Союзом ССР в области прав человека.

Согласно Конституциям и Закону СССР «Об общественных объединениях», Компартия как общественное объединение может быть ликвидирована только по решению высших судебных инстанций, а не президента. В таком же порядке отчуждается и ее имущество. Никаких судебных решений на этот счет не состоялось. Конституции были явно попорчены. Президент Горбачев промолчал, не наложил «вето» на Постановление Верховного Совета, не отменил Указы Ельцина. Сделал вид, что их вообще не существует.

Силами двух управлений мы подготовили записки Горбачеву, Ельцину, в Верховные Советы СССР, РСФСР, а также председателю Комитета конституционного надзора СССР Алексею С. При этом исходили из того, что грубо попорчены права человека. Записки легли на стол заместителя Генерального прокурора Андреева В.И. Тот не проявил большого энту-

зиязма, хотя и не осудил нашу инициативу. Дня через два или три он пригласил меня к себе и сообщил, что Трубин подписывать наши записки отказался. Я не спрашивал, чем он мотивировал свой отказ. Для меня было ясно – он просто боялся спорить, боялся потерять свое кресло. Уже в какой раз Генеральный прокурор уходил от реагирования на беззаконие, попрание прав тысяч, миллионов граждан. Однако были и другие факты, когда его представления, его записки оставляли без всякого внимания в высших эшелонах власти...

В начале сентября состоялся пятый, внеочередной, съезд народных депутатов СССР. Его решения представляют исключительный интерес, как и сама обстановка, процедура работы. Для многих из нас становилось все более очевидным, что в стране усиливается власть президентов, законодательная, народная власть им мешает, с ней перестают считаться, отодвигают на задний план и вовсе разрушают. Наступает эра авторитарной власти, за которой последует диктатура. Пятый съезд подтвердил наши опасения. Авторитаризм, диктатуру начали устанавливать те, кто еще совсем недавно в предвыборной борьбе, на митингах и с экранов телевидения заявлял о своей приверженности демократии, кому народ поверил, а те, встав у власти, начали предавать его.

Еще задолго до сентября, до работы пятого, внеочередного, Съезда народных депутатов, я высказал в печати (газета «Карьера», № 14 за июль 1991 г.) опасение по поводу того, что президент СССР и президенты республик могут собраться и разогнать съезды народных депутатов. Так оно и случилось. На пятом съезде президенты сели в президиум, а народная власть осталась внизу. Не она управляла ими, а они командовали ею. Произошло непоправимое для союзного государства, для всех нас. Горбачев совместно с республиканскими лидерами начал широкомасштабную кампанию по ликвидации народной власти, по ограничению ее функций.

* * *

После августовских событий в стране начался тихий государственный переворот, весьма утонченный, весьма коварный и разрушительный. Горбачев и Ельцин взяли в нем на себя роль первых скрипок.

6 сентября 1991 года в средствах массовой информации промелькнуло сообщение о признании Государственным Советом СССР независимости Латвии, Литвы, Эстонии. Это произошло буквально на следующий день после окончания работы пятого, внеочередного, съезда. И что еще примечательно, после того как 5 сентября Буш заявил о признании независимости названных республик, Горбачев заторопился. Он не мог ослушаться, отстать от заокеанского президента, бывшего шефа ЦРУ.

И еще замечу. Вопрос о так называемой независимости трех Прибалтийских республик на обсуждение съезда вынести побоялись. Знали, что там он мог провалиться как абсолютно неправомерный. Вот почему отложили до 6 сентября, но не далее.

По поступлении текстов постановлений к нам в управление я поручил их тщательно изучить и высказать суждение о их правомерности. Изучали несколько сотрудников, в том числе заместитель начальника управления Андреев К., однако вывод у всех был однозначный – постановления не соответствуют Конституции СССР и Закону СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», принятому 3 апреля 1990 года.

Я попросил подготовить мотивированное заключение, в котором обязательно должны быть отмечены основные противоречия и несоответствия действующему законодательству. Такое заключение вскоре подготовили и положили мне на стол. Я утвердил его.

Возник естественный вопрос: «Что делать дальше?». Была некоторая надежда на Комитет конституционного надзора. Шло время, но он хранил гробовое молчание. Для меня становилось все более очевидным, что комитет не будет реагировать, что и не удивительно. Его возглавил Алексеев С., профессор, доктор юридических наук, впоследствии он стал членкомом

Академии наук СССР. Человек, который все свои ученые степени и звания заработал на «развитии и углублении» марксистско-ленинской теории о праве и государстве. Затем он занял, по сути дела, ревизионистские, отступнические позиции. Это лишнее подтверждение того, что перевертышам верить нельзя. предавшие однажды, они предадут, и еще не раз. К тому же Алексеев С. оказался человеком безвольным, не способным противостоять беззаконию, произволу вождей. Видимо, здесь сказались и его личные качества.

Я вновь вспомнил открытие пятого, внеочередного, съезда, когда Горбачев и президенты республик, вопреки подготовленной повестке и регламенту съезда, отправили депутатов думать по представительствам республик в Москве. Алексеев С., выйдя на трибуну, пытался что-то робко сказать о нарушениях, о неправомерности данных действий. Это было утром, а во второй половине того же дня блюститель Конституции выглядел уже как «мокрая курица» и пролепетал, что все правильно и в создавшейся ситуации ничего другого предпринять нельзя. Я уверен, что Горбачев его «обработал» в перерыве между заседаниями.

Оставалась еще одна возможность. Идти к Генеральному прокурору и докладывать о нарушениях, о таких отступлениях, которые «попахивают» Уголовным кодексом. Однако идти к Трубину было делом безнадежным. Государственные вопросы его меньше интересовали. Главная проблема, которую он решал тогда, – как остаться в кресле. Пусть рухнет Союз, пусть рухнет Отечество, главное – останется он. Идти к нему, заведомо зная, что он откажется поставить свою подпись, как уже неоднократно отказывался подписывать подготовленные нами острые документы прокурорского реагирования, просто не было смысла. Трубин продолжал всех убеждать, что он не «путчист», а сторонник демократии. По сути, он объявил «день открытых дверей» для прекращения дел. Вопреки доказательствам, пустил «под нож» не одно крепкое дело, пусть это останется на его совести, хотя придет время, и ему придется ответить.

* * *

Все же, не рассчитывая на поддержку, 1 ноября 1991 года я направил Трубину рапорт следующего содержания:

«Николай Семенович!

6 сентября с.г. Государственный Совет СССР принял Постановления о признании независимости Латвии, Литвы и Эстонии, которыми фактически закрепил выход указанных республик из состава СССР.

Данные постановления как по форме, так и по содержанию грубо противоречат действующему Закону СССР от 3 апреля 1990 года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». В республиках Прибалтики не проводились референдумы по поводу выхода из СССР, они были подменены или опросом населения, или голосованием за независимость республик. Не был установлен и переходный период для рассмотрения всех спорных вопросов.

Кроме того, Государственный Совет под руководством Горбачева М.С. превысил свои полномочия и принял решение по вопросу, относящемуся к компетенции Верховного Совета СССР. Стране нанесен неизмеримый ущерб, попораны интересы сотен тысяч граждан некоренной национальности.

Право республик на выход из СССР никем не оспаривается, но он должен быть осуществлен в строгом соответствии с законом.

Постановления Государственного Совета СССР являются юридически безграмотными, не имеющими правовой силы, Комитет конституционного надзора СССР оставил их без внимания.

Полагаю необходимым реагирование Прокуратуры Союза ССР. В случае Вашего согласия документы будут подготовлены».

Этот рапорт я передал Трубину через его помощника без всякой надежды. В голове постоянно стоял вопрос: «Что делать?» Госсовет и президент Горбачев в очередной раз допустили нарушение Конституции. Правовой волюнтаризм охватил все общество, и, самое страшное, с Законом перестали считаться в высших эшелонах власти, произвол совершали президенты и законодатели, мэры и министры. Какого законопослушания после этого можно было ждать от простых граждан? Общество постепенно падало в пучину анархии и беспорядков. Из-за волюнтаризма вождей и политиков страна оказалась охваченной пожаром национальных распрей. Передо мной снова и снова вставали страшные картины побоищ в Закавказье и Фергане, в Молдавии и Прибалтике. Я вспомнил лица и глаза беженцев, детей в Армении и Азербайджане, лица отчаявшихся людей в Дубоссарах, в Осетии. Они просили о помощи, они просили президента защитить их. Но он их предал. Теперь еще одно предательство в Прибалтике.

Должен же Горбачев за это нести ответственность?..

4 ноября 1991 года я принял твердое решение о возбуждении уголовного дела в отношении Горбачева за измену Родине. Скажу сразу, что я не посвящал в это никого из своих сотрудников. Я знал, какой гнев, какой карающий меч может обрушиться после этого. Поэтому и решил все сделать сам, не подставляя под удар других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.